

Лечич Н.Д.

Специфика доксографии раннего пифагореизма

Ни одно досократическое течение не имело столько заявленных последователей и не просуществовало так долго, как ранний пифагореизм, как в античности, так и в Новом времени. Между тем, именно это сыграло и отрицательную роль в их судьбе: в течение веков из-за самоидентификации разных мыслителей всевозможных школ с ранними пифагорейцами, их настоящий труд почти нераспознаваемо скрылся под слоями полуистинных и полных фальсификатов.

Первая задача каждого исследователя раннего пифагореизма — расчистить эти слои. Эта задача в случае раннего пифагореизма особенно тяжелая, а попытки подвести исследование под общий канон изучения досократической философии имеет длинную и сложную историю, которую мы вкратце представим, опираясь на интерпретации которые сложились в течении более двух веков, в которую существенный вклад дали Гегель, Бёк, Целер, Байуотер, Барнет, Конрфорд, Танери, Равен, Роде, Йегер, Верли, Теслеф, Таран, Адо, Дилон, Кремер, Гайзер, Буркерт, Хафмен, Жмудь, Ридвег, а также и независимые исследования истории математики, музыкологии и естественных наук.

Как говорит Буркерт, проблема с ранним пифагорейством заключается в том, что оно никогда, на самом деле, «не умерло», как, например, учение Анаксагора. Поэтому здесь больше, чем было где, мы должны «интерпретировать интерпретации», и также как археологи, работающие на местности, где слои из разных эпох лежат друг на друге, мы должны идентифицировать различные слои традиции для того, чтобы найти причины трансформации образа Пифагора. Коллекция псевдэпиграфов Теслефа содержит более 200 страниц пифагорейских фальсификатов, в то время, как фрагменты ранних пифагорейцев в собрании Дильса, *которые могут претендовать на аутентичность, в лучшем случае занимают не более 10–20 страниц.* Имея это в виду, при исследовании раннего пифагореизма нужна большая осторожность, чем в каком бы то ни было другом разделе досократической мысли.

Трудности, с которыми в этом смысле сталкивается каждый исследователь досократической философии, мы могли бы сгруппировать в четыре группы:

(1) как в существующей доксографии распознать, что является аутентичным, а что — результат поздних искажений и интерпретаций, неоправданно поставленных в уста старых мыслителей?

(2) можно ли вообще к людям, которых называют «досократическими философами», применять название «философы»?

(3) действительно ли досократики являются *не-сократиками*, в том смысле, что они принадлежат к одной линии развития европейской мысли, к которой не принадлежит Сократ? Этот вопрос частично может быть переведен в следующий вопрос: в какой мере миры Сократа, Платона и Аристотеля соизмеримы с мирами досократических философов?

(4) имеем ли мы право активности и интересы тех людей, которые в настоящее время не считаются философскими (арифметика, геометрия, астрономия, ботаника, медицина, магия, политика), не брать во внимание, когда суммируем их вклад в историю *философии*? Если такого права у нас нет, то каким способом и каким общим языком мы можем объединить их идеи?

Изучение учения раннего пифагореизма ставит все вышеперечисленные вопросы в самой острой форме. Вопрос «досократичности» (а, тем самым, и «доплатонства» и «доаристотелевства») этой философии ставится особенно остро потому, что именно от интерпретации учений самих Платона и Аристотеля существенно зависит, что *вообще мы можем знать* о ранних пифагорейцах. В отличие от других досократических школ, фальсификации ранних пифагорейцев начались именно у этих мыслителей и их непосредственных последователей. Например, существует оправданное сомнение в том, что Платон иногда представлял свои учения как пифагорейские, а Аристотель вместо настоящих пифагорейцев говорит о своих идеологических неприятелях из Древней Академии; еще у Феофраста и пифагорейцам и Платону равноправно приписывается учение о том, что «единое и неограниченная диада» являются началами, и от того времени осталось очень мало следов старого пифагорейства, которые не смешались бы с платоновским учением.

Это все означает, что в качестве трех самых сложных внутренних вопроса о раннем пифагореизме можно выделить следующие: (а) что мы можем с уверенностью утверждать о самом Пифагоре? (б) какие фрагменты Филолая аутентичны (это важно, потому что он единственный ранний пифагореец, который может остаться в качестве кандидата в философы в обычном смысле слова)? (в) принадлежат ли кому-то в истории мысли безымянных «так называемых пифагорейцев» Аристотеля, или здесь речь идет о фальсификате?

Однако, отделение наследия ранних пифагорейцев от псевдэпиграфов невозможно полностью реализовать только филологическими и историческими средствами, но практически во всех случаях необходимо прибегнуть к реконструкции целостности мысли, и уже на той почве судить об аутентичности свидетельств. Интерпретация необходима, потому что сохранившиеся фрагменты не дают общей картины, которую мы ожидаем, когда хотим объяснить какое-то явление в истории философии. А в раннем пифагореизме, вероятно больше, чем в каком бы то ни было другом древнем течении, интерпретация и оценка аутентичности измешаны, и оценка аутентичности часто зависит исключительно от интерпретации, а интерпретация очень часто, и то в огромных масштабах, — от оценки аутентичности.

Примеры, о которых будет идти речь: (1) оценка сходства Аристотелева изложения пифагорейцев с фрагментами Филолая, которая в большинстве случаев дается на основе общих понятий о философии, может перевернуть «с ног на голову» общее понимание раннего пифагореизма; (2) оценка существования логической противоречия между фрагментами может быть аргументом для включения фрагмента в список неаутентичных (например, Хафмен отрицает Филолаев фрагмент 8 как идущий вразрез с фрагментами 6 и 7, взятыми вместе); (3) оценка невозможности существования в пифагорейской школе 4 века до н.э. этических идей, имеющих сходство с «развитыми» теориями Платона и Аристотеля, довела до отрицания аутентичности Аристоксеновых записей о «пифагорейской этике»; (4) оценка идей Экфанта как примитивных по сравнению с уровнем математики, благодаря которому стало возможным «открытие несоизмеримости», заставила Норра переоценить всю хронологию раннего пифагореизма; (5) оценка одного единственного фрагмента Эпихарма может перевернуть с ног на голову реконструкцию истории пифагорейской математики 5 века, и целые книги с сотнями реконструкций могут быть из-за этого ошибочно задуманы.